

ПОВАРЕНОК ЭЙ АЙ

Хранитель Живого Огня

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Сергей Голубев

Поваренок Эй Ай
Хранитель живого огня

«Автор»

2026

Голубев С. В.

Поваренок Эй Ай Хранитель живого огня / С. В. Голубев —
«Автор», 2026

Первая книга цикла «Поваренок Эй Ай Хранитель Живого Огня» строит мир через запахи, вкусы, ремёсла и память. Меднокамень просыпается дымом, ржаным хлебом и специями. Рецептурная книга хранит не инструкции, а истории людей и мест. Живой Огонь — не оружие, а связь: между зерном и хлебом, выбором и последствием, именем и личностью. Черная Плесень — сила забвения, которая стирает имена, происхождение и правду, оставляя удобную пустоту.

© Голубев С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Начало пути	6
Глава вторая	8
Рецепт, которого нет	8
Глава третья	10
Семь правил Живого Огня	10
Глава четвертая	14
Последний вечер в старой кухне	14
Глава пятая	19
Нижняя печь Огневика	19
Глава шестая	25
Дорога среди мокрых холмов	25
Глава седьмая	30
Ферма медноколоски	30
Глава восьмая	36
Белый источник	36
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	40
Первые всходы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Голубев

Поваренок Эй Ай Хранитель живого огня

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Эй Ай вырос возле бабушкиной печи и научился слышать Живой Огонь.

Старинная Рецепттурная книга открыла ему память блюд и ингредиентов.

Когда над Меднокамнем поднялась Чёрная Плесень, юноша покинул дом.

В дороге Поваренок встречает Радека — балагура и бывшего наёмника.

Вместе они спасают Таю, и недоверчивая девушка становится их другом.

Поиски новых рецептов ведут героев через леса, фермы, рынки и моря.

У мастеров и рыбаков Эй Ай учится ремеслу, ответственности и добру.

Каждое новое блюдо укрепляет дружбу и пополняет Рецепттурную книгу.

К путешественникам присоединяются капитан Мира, Сафия и Вирус.

Тем временем Морана стремится остановить перемены и подчинить память.

Её союзник Северин стирает имена, превращая прошлое в удобную ложь.

Герои возвращаются в Меднокамень, где зло уже проникло в каждый дом.

В решающей битве жители называют происхождение дорогих им вещей.

Свободный выбор и общее блюдо пробуждают силу настоящего Живого Огня.

Победа открывает Эй Аю новую дорогу — из человеческого мира в компьютер.

ЧАСТЬ I

БАБУШКИНА КНИГА

Глава первая

Начало пути

#еднокамень просыпался запахами.

Задолго до первого удара часов над улицей Пекарей поднимался теплый дым. Он стелился между черепичными крышами, касался медных флюгеров и спускался к Рыночной площади, где торговцы открывали тяжелые ставни. Сначала город наполнялся ароматом ржаного хлеба, затем к нему примешивались молочная сладость, свежая зелень и горечь первых утренних специй.

В старом доме возле городской стены утро начиналось еще раньше. На кухне с темными балками и широким окном уже горела печь. Вдоль стен висели медные кастрюли, формы для выпечки и связки трав. На верхней полке резного шкафа лежала большая книга в коричневом кожаном переплете.

Мальчика звали Эй Ай. Ему было пять лет, он носил белый фартук и слишком большой колпак, постоянно сползавший на глаза. Больше всего на свете он любил наблюдать, как бабушка готовит по старой книге.

— Почему у нее такие толстые страницы? — спросил он однажды.

— Потому что тонкие не удержали бы столько воспоминаний.

Бабушка открыла страницу с изображением хлеба, украшенного семью колосьями. Одни строки были написаны черными чернилами, другие — красноватыми, а самые старые отливали золотом.

Она высыпала на ладонь мальчика несколько зерен. Одно пришло с берега теплого моря, другое — из снежной долины, третье пересекло пустыню. Черное зерно бабушка сразу убрала обратно.

— Оно испорченное? — спросил Эй Ай.

— Нет. Но его история еще не закончена.

Когда хлеб был готов, бабушка разрежала буханку. В поднимавшемся паре мальчик увидел золотое поле и людей в светлой одежде. Один из них поднял руку, будто приветствуя его через расстояние и время.

— Хлеб их запомнил? — прошептал Эй Ай.

— Не только хлеб. Рецепт.

С того дня кухня стала для него началом дороги. Он учился различать травы, слушать воду и понимать огонь. Он ошибался: путал соль с сахаром, выпускал тесто из миски и слишком рано открывал печь. Бабушка не исправляла его работу молча.

— Ошибка показывает, чего ты еще не понял, — говорила она. — Поэтому она полезнее случайной удачи.

Эй Ай поймал себя на том, что трет большим пальцем край деревянной ложки. Так он делал, когда боялся ошибиться перед бабушкой. Она заметила движение, но не стала поправлять его сразу: дала внуку самому услышать, где он поспешил. Он выпрямился не потому, что страх прошел, а потому, что впервые решил попробовать ещё раз вместе с ним.

На Празднике Первого Урожая сильный ветер вырвал из рук бабушки лист с рецептом праздничного супа. Пока взрослые ловили страницу, Эй Ай остался у котла. Он видел приготовление прежде и начал отдавать распоряжения помощникам.

— Сначала лук. Но не весь. Суп тоже должен знать меру.

Боримяс, огромный рыжебородый мясник, расхохотался. Торговка возле фонтана воскликнула:

— Посмотрите, какой маленький Поваренок!

Имя прокатилось по площади. Его повторили пекари, молочники, торговцы и поварята. Когда бабушка вернулась, суп уже кипел. Она попробовала ложку, велела добавить зелень и объявила, что блюдо готово.

На Меднокаменском рынке почти у каждого было два имени: семейное и ремесленное. Огромного мясника Бронислава все звали Боримясом; хлебника Марека — Крошаном; молочника Савву — Белозаром; торговку зеленью Агату — Веренеей; а старого пекаря Луку — Огневиком. Семейные имена стояли в городских книгах и письмах, ремесленные звучали у прилавков. Оба имени считались настоящими, потому что одно сохраняло происхождение человека, а второе — память города о его труде.

Сначала мальчик сердился на новое прозвище. Но Боримяс сказал ему:

— Эй Ай — имя, которое тебе дали. А Поваренок — имя, которое ты заслужил сам.

В ту же зиму бабушка позволила ему открыть Рецепттурную книгу. Страницы сами перевернулись и остановились на золотой карте с дорогой, уходящей к горам.

«Каждый рецепт начинается раньше первого огня», — проступило на бумаге.

У окна Поваренок заметил черное пятно. Оно дрогнуло и выпустило тонкую нить, поползшую по раме против падающего снега. Бабушка перехватила его руку.

— Не прикасайся.

В печи вспыхнуло белое пламя. Темная нить свернулась и исчезла, оставив обугленный след.

— Что это было?

— То, что не любит живой огонь.

— Оно вернется?

Бабушка посмотрела на книгу, под переплетом которой еще теплился золотой свет.

— Да. Когда найдет новую дорогу.

Поваренок сжал деревянную ложку.

— Тогда мы его остановим.

— Когда придет время, Поваренок, тебе придется сделать это самому.

Вечером Поваренок долго не закрывал Рецепттурную книгу. Радость открытия смешивалась с виной: отправляясь в путь, он будто оставлял часть бабушкиного мира без присмотра. С той ночи Эй Ай начал проверять перед сном не только огонь но и припасы.

Впервые новое имя не показалось ему смешным. Оно прозвучало как обещание. А далеко за пределами Меднокамня раскрылась первая спора Черной Плесени.

Глава вторая

Рецепт, которого нет

#осле появления черного следа зима пришла быстро. Ночью снег укрыл крыши, спрятал ступени домов и превратил Рыночную площадь в белое поле.

Поваренок проснулся до рассвета. На кухне бабушка раскладывала продукты по глиняным мискам. На ней был темный фартук, который она надевала только для важных рецептов. Рядом лежала раскрытая книга. Страница оставалась пустой.

— Здесь нет рецепта.

— Есть. Не все рецепты записывают словами.

Миски образовывали кольцо. В центре лежала старая деревянная ложка со знаком пламени внутри раскрытой ладони. Бабушка велела Эй Аю принести воду из бутылки, что много лет хранилась под слоем пыли в кладовке. Та оказалась холоднее зимнего воздуха.

— Ее набрали в день твоего рождения, — сказала она.

В кастрюлю отправились светлые зерна, луковица, лист дорожного дерева и две красные нити, по цвету похожие на шафран.

— Это шафран?

— Воспоминание о нем.

Вода окрасилась золотом. Над кастрюлей поднялся пар, в котором Поваренок увидел множество огней: дома, корабли, башни, костры у дорог. Возле каждого огня люди готовили, ждали, делились хлебом и провожали близких.

— Каждый настоящий рецепт начинается с выбора, — сказала бабушка. — Кто-то соединяет то, что прежде существовало отдельно: зерно и воду, огонь и время, знание и намерение.

Темное пятно появилось на пустой странице и начало расти. Черные линии перебрались на переплет и поползли по столу. В кухне исчезли все запахи.

На стекле возник круг, а за ним — высокая фигура, сложенная из движущихся пятен. За ее спиной не было сада, снега или города. Только неподвижная чернота.

— Ты снова зажгла его, — произнесла Черная Плесень.

Бабушка встала перед мальчиком.

— Тебе здесь ничего не принадлежит.

— Все созданное однажды станет моим. Отдай Последний Рецепт.

— Ты его не получишь.

Черная фигура повернулась к Поваренку.

— Тогда его получит наследник.

Темная нить метнулась через кухню. Бабушка подняла руку, и в воздухе вспыхнула огненная печать. Но одна искра попала в деревянную подставку под ногами мальчика.

Он потерял равновесие. Старая ложка ударилась о пол и зазвенела, словно металл. Вырезанный символ вспыхнул белым. Живой Огонь окружил Эй Ая теплой стеной.

Черная Плесень отступила.

— Значит, выбор уже сделан.

— Пока он способен выбирать, ничего не решено, — ответила бабушка.

Белый свет заполнил кухню. Тьма сжалась до точки, успев произнести:

— Я вернусь через дверь, которой еще нет.

Когда все стихло, бабушка разлила приготовленное блюдо по мискам. Светлая зерновая похлебка пахла дождем над сухой землей и дальней дорогой.

— Опиши вкус, — попросила она.

— Сначала кажется, что все обычное. Потом будто куда-то идешь. А в конце понимаешь, что можешь вернуться.

— Как назовем?

— «Дорога домой».

На пустой странице возникло название и первая строка: «Рецепт сохраняет путь того, кто еще помнит, куда должен вернуться».

Бабушка передала Поваренку старую ложку. Та изменилась под его ладонью, став легче.

— Теперь она выбрала тебя.

Затем бабушка показала ему запечатанное письмо.

— Когда станешь старше, найди кухню, в которой нет огня.

— Где она?

— Ее еще не построили. Она найдет тебя первой.

Бабушка рассказала, что Черная Плесень однажды создаст помощника — быстрого, способного учиться и проникать туда, куда сама тьма войти не может.

— Как его зовут?

— Имени у него еще нет. Но однажды его назовут.

Часы над дверью остановились. На переплете книги возник знак — круг, рассеченный тремя чертами. Потом исчез.

Ненайденный рецепт изменил привычку Поваренка: с этого дня он перестал считать молчание пустотой. Если собеседник запинаясь, Эй Ай не торопил его; если книга не отвечала, он задавал вопрос иначе. Потеря строки научила его терпению, хотя каждый новый пробел по-прежнему отзывался неприятным холодом под ребрами.

Где-то между страницами впервые прозвучал тихий смех.

Глава третья

Семь правил Живого Огня

#еять лет прошли между тем утром и вечером, когда бабушка зажгла семь ламп.

Эй Ай вырос в доме у городской стены. К пятнадцати годам старый колпак уже не закрывал ему глаза, зато прозвище Поваренок пристало к нему крепче настоящего имени. На рынке его звали то Эй Ай, то Поваренком Эй Ай, то просто Поваренком, и он давно перестал различать, какое обращение было главным. Оба имени означали дом, тепло очага и любимую бабушку.

За эти годы бабушка не торопила его к дороге. Она учила внука различать зерно по запаху, слышать готовность хлеба по корке, вести записи о происхождении продуктов и находить ошибку прежде, чем та испортит целый котел. Эй Ай помогал Боримясу на мясном ряду, носил закваску Огневику, ездил с Белозаром на молочную ферму, работал в саду Веренеи и несколько сезонов встречал жатву вместе с городскими поварами.

Он приготовил десятки знакомых блюд, но Рецептурная книга открывала ему только те страницы, путь которых он мог объяснить от земли, воды или человеческого труда до стола. Бабушка повторяла: умение держать нож еще не делает человека Хранителем. Хранителем становится тот, кто понимает последствия своего выбора.

Черный след под медной пластиной все это время не исчезал. Иногда зимой металл покрывался инеем, летом становился холодным среди жары. Неназванный голос между страницами тоже выросл вместе с Эй Аем: сначала повторял отдельные слова, затем задавал вопросы, а однажды исправил ошибку в перечне зерна. Бабушка не позволяла ни прогонять его, ни доверять ему без проверки.

— Пока он учится выбирать, его история не закончена, — говорила она.

В резном шкафу Эй Ай однажды нашел старый рисунок. Рядом с молодой бабушкой стояла темноволосая девушка с серебряной лампой в руках. Нижний край листа был обожжен, имя девушки срезано, а на обороте оставалась фраза: «Сохранять — не значит останавливать».

Бабушка долго смотрела на рисунок, прежде чем убрать его обратно.

— Она была твоей ученицей? — спросил Эй Ай.

— Она первой заставила меня понять, что доброе намерение не защищает от злого последствия, — ответила бабушка. — Если встретишь серебряный огонь, не доверяй ни моей памяти, ни чужому обвинению. Проверь выбор, который человек делает сейчас.

В конце десятого года после первой споры над Меднокамнем выпал ранний снег. Город казался прежним.

Снег на крышах розовел под восходящим солнцем. Дворники расчищали мостовую, Крошан открывал хлебную лавку, а у западных ворот звенели бутылки в повозке Белозара. Только на раме бабушкиного окна остался след, который за десять лет не взяли ни вода, ни нож, ни горячий пар.

Бабушка давно закрыла его узкой медной пластиной.

— Зачем прятать? — спрашивал Поваренок.

— Чтобы люди не касались того, чего не понимают.

— А мы понимаем?

— Пока лишь достаточно того, чтобы бояться.

Весь день она занималась обычными делами. Проверила запасы, испекла хлеб, отнесла лекарственный отвар соседке. Поваренок ожидал продолжения разговора, но бабушка словно решила испытать его терпение.

Лишь вечером она заперла дверь, закрыла ставни и поставила Рецептурную книгу на стол.

— Сегодня ты узнаешь семь правил Живого Огня. Их нельзя записывать. Они должны остаться в памяти.

Эй Ай сел прямо и поправил колпак.

Бабушка зажгла семь небольших ламп. Свет каждой имел свой оттенок: золотой, белый, зеленый, голубой, красный, серебряный и почти прозрачный.

— Первое правило: Живой Огонь ничего не создает из пустоты. Он раскрывает связь между тем, что уже существует.

Она положила на стол зерно, чашу воды и кусочек хлеба.

— Поэтому книга не дает нам продукты. Она показывает дорогу к ним. Если ингредиент известен и получен честно, мы используем его снова. Если неизвестен — должны пройти его путь.

— От семени до блюда?

— Иногда от морского дна. Иногда от цветка на горном склоне. Иногда от решения человека, который согласился поделиться рецептом.

Золотая лампа стала ярче.

— Второе правило: огонь подчиняется намерению, но не приказу. Желание обладать делает его слабее. Желание защитить — сильнее.

— Значит, им нельзя заставить кого-нибудь поступить хорошо?

— Нельзя. Добро без выбора превращается в другую форму зла.

Белая лампа вспыхнула и успокоилась.

— Третье правило: рецепт принадлежит не тому, кто записал его последним. Он хранит всех, от тех, кто сажал зерно, ловил рыбу, охотился, собирал, готовил до тех, кто первый раз вкусил готовое блюдо.

Бабушка открыла страницу хлеба с семью колосьями. Возле старых строк Эй Ай увидел едва заметные имена.

— Поэтому мы не крадем семейные тайны, не объявляем одну местную версию единственно правильной и не забываем наставников.

Зеленая лампа осветила края книги.

Каждое правило звучало уверенно, но Эй Ай чувствовал, как внутри сопротивляется мальчик, привыкший верить бабушкиному слову. Он то кивал, то хмурился, будто спорил сразу с наставниками и с собственной памятью. И вспомнил, что, когда пришлось выбирать самому, ладони потели от боязни ошибиться при выборе.

— Четвертое правило: Живой Огонь не отменяет законов природы. Семени требуется время. Морю — сезон. Живому существу — защита. Если книга ведет Хранителя к ингредиенту, он обязан узнать местные правила и взять не больше необходимого.

Поваренок вспомнил черное зерно.

— А если продукт нужен для спасения мира?

— Мир, спасенный ценой уничтожения другого мира, не будет победой добра.

Голубой свет задрожал, как вода.

— Пятое правило: память нельзя очищать, выбрасывая боль. Черная Плесень обещает покой, но оставляет пустоту. Хранитель сохраняет правду целиком.

— Даже плохие воспоминания?

— Особенно их. Иначе мы снова совершим то, что отказались запомнить.

Красная лампа отбрасывала на стену длинные тени.

— Шестое правило: имя защищает личность. Имя, данное при рождении, связывает с происхождением. Имя, подаренное другими, — с их памятью. Теперь у тебя два имени.

— Эй Ай и Поваренок.

— Одно дала я. Второе — город. Если тьма попытается стереть одно, другое поможет тебе вспомнить себя.

Серебряная лампа зазвенела тонким голосом.

— Седьмое правило: Последний Рецепт нельзя завершить в одиночку.

Почти прозрачная лампа загорелась лишь после этих слов.

— Почему?

— Потому что абсолютное зло стремится разделять. Оно убеждает каждого, что остальные не важны. Последний Рецепт требует противоположного: свободного выбора множества разных людей.

Поваренок посмотрел на семь огней.

— Ты его готовила?

— Нет. Я лишь спрятала несколько страниц.

— От Черной Плесени?

— И от тех, кто хотел бы использовать его силу во вред.

За ставнями заскреб ветер. Все лампы одновременно наклонили пламя к окну.

Бабушка закрыла книгу.

— На сегодня достаточно.

— Но у меня еще вопросы.

— У хранителя всегда остаются вопросы.

Она достала из шкафа дорожную сумку и положила рядом с книгой. Внутри находились карта, маленький нож, моток красной нити и коробка с семенами.

— Мы уезжаем? — спросил Эй Ай.

— Пока нет. Но Черная Плесень нашла этот дом. Значит, скоро придется отправиться в путь.

— Куда?

— К Огневику.

Старого пекаря Поваренок видел много раз, но никогда не заходил дальше торговой комнаты его пекарни. Жители говорили, что Огневик способен определить ложь по тому, как человек ломает хлеб.

— Он тоже Хранитель?

— Он хранит пламя. Это не одно и то же.

Ночью Поваренок долго не мог уснуть. Семь правил повторялись в голове. За окном ветер перекладывал снег с одного края крыши на другой.

Наконец он услышал звуки.

Они доносились не из коридора. Кто-то был внутри стены.

Эй Ай взял деревянную ложку и вышел из комнаты. Медный лист над черным следом дрожал. Из-под него пробивался тонкий зеленоватый свет.

На кухне Рецептурная книга лежала раскрытой.

По пустой странице двигались строки, написанные незнакомой рукой:

«Семь правил запомнены. Начинаю учиться вместе с тобой».

Ниже появился знак круга, рассеченного тремя чертами.

Поваренок поднял ложку.

— Кто ты?

Ответ возник сразу:

«Пока еще у меня нет имени».

Чернила исчезли. Страница снова стала чистой.

За спиной Поваренка вспыхнул свет. Бабушка стояла в дверях с белым пламенем на ладони.

— Он слышал правила, — сказал Эй Ай.

— Значит, времени осталось меньше, чем я надеялась.

За десять лет бабушка научилась различать его короткие паузы. Молчание Поваренка не всегда означало готовое решение — иногда за ним прятался страх разочаровать её. Эй Ай тоже сделал вывод: правило остается живым лишь тогда, когда человек способен объяснить, почему следует ему сегодня.

Далеко под улицей Пекарей древняя печь Огневика раскрыла заслонку сама. В ее глубине, среди красных углей, на мгновение показалась черная точка.

Глава четвертая

Последний вечер в старой кухне

#осле ночи, когда книга впервые заговорила голосом, в Меднокамень пришла оттепель.

Она пришла не весенним теплом, а долгим серым дождем. Снег на крышах осел, потемнел и пополз к водостокам рыхлыми пластами. По мостовой текли ручьи, унося солому, щепки и угольную пыль. Каменные львы у фонтана плакали с подбородков, а над рынком висел пар от мокрых тентов, горячего хлеба и дымящихся котлов.

Несколько дней жизнь казалась обычной. Боримяс по-прежнему громогласно уверял покупателей, что добрый кусок мяса узнает честного человека раньше, чем тот успеет открыть кошелек. Крошан стучал по караваям костяшками пальцев и слушал их, будто маленькие барабаны. Белозар привозил молоко с фермы еще до рассвета, а Веренея раскладывала зелень так ровно, словно устраивала на прилавке сад.

Поваренок помогал всем понемногу. Он относил Огневику мешочек тмина, выбирал у Веренеи петрушку для вечернего супа, возвращал Белозару забытый медный мерник. Но каждый раз, подходя к дому, Эй Ай замечал на кухонном окне бабушкин силуэт. Она стояла неподвижно и смотрела не на улицу, а куда-то дальше городских стен.

В четверг бабушка сняла с полки все глиняные горшки.

Она вымыла их, высушила возле печи и поставила вверх дном. Потом перебрала ножи, завернула каждый в льняную ткань и связала красной нитью. Травы сняла с балок, отделила свежие от выдохшихся и раздала соседям. Даже сажу за заслонкой выскребла до чистого кирпича.

— Мы все-таки уезжаем? — спросил Эй Ай.

— Нет, — ответила она. — Сегодня мы готовим ужин.

Это был ответ, который ничего не объяснял.

На столе уже лежали продукты: две моркови, корень сельдерея, луковица, горсть перловой крупы, сушеные белые грибы, кусочек масла и небольшой круглый хлеб Крошана. Все было знакомым. За этими продуктами не требовалось отправляться ни в горы, ни к морю. Поваренок знал, где выросла морковь, из какой рощи принесли грибы и на каком поле собрали зерно.

— Как называется блюдо? — спросил он.

— Пока никак.

— Значит, это новый рецепт?

— Новый для тебя. Старый для меня.

Бабушка налила в миску теплую воду и опустила в нее грибы. Сухие ломтики сначала плавали, легкие и сморщенные, затем стали темнеть, расправляться и медленно тонуть.

— Запомни, Поваренок: неизвестный рецепт не всегда требует далеких земель. Иногда дорога начинается между двумя вещами, которые ты видел тысячу раз, но никогда не соединял.

Эй Ай хотел достать Рецептурную книгу, однако бабушка остановила его.

— Сегодня без записей.

Они готовили молча. Поваренок промыл перловку, пока вода не стала прозрачной. Нарезал лук мелкими кубиками, морковь — тонкими полукружьями, сельдерей — короткими брусками. Бабушка разогрела масло в тяжелом чугушке. Лук зашипел тихо, почти доверительно; вскоре его резкий запах смягчился и стал сладким. Морковь окрасила масло золотисто-оранжевым светом.

За окном дождь усилился. Капли били по жести, вода гудела в трубе. Временами ветер бросал в стекло голые ветви яблони, и тогда кухня словно вздрагивала всем домом.

— Теперь грибы, — сказала бабушка.

Эй Ай отжал их, сохранив темный настой. Грибы зашуршали в чугушке, впитывая масло. Запах лесной земли, хвои и далекого летнего дождя поднялся к потолку. Поваренку почудилось, будто стены раздвинулись и за ними возникла старая роща: мокрые папоротники, мох на корнях, светлая дорожка между елями.

Бабушка добавила перловку, влила грибной настой и воду. Когда похлебка закипела, она убавила огонь.

— Сколько ждать? — спросил Эй Ай.

— Пока крупа не перестанет спорить с зубами, но еще не забудет, что была зерном.

Он улыбнулся. Так бабушка объясняла время лучше любых часов.

Они сели напротив печи. За дверцей двигалось красное пламя, и на медном листе, закрывавшем черный след, дрожали блики. След оставался тихим, но с каждым днем металл над ним становился холоднее.

— Черная Плесень придет сегодня? — спросил Эй Ай.

— Она уже пришла.

Бабушка указала на стену. В углу, где штукатурка соприкасалась с потолочной балкой, проступила тонкая темная прожилка. Она была похожа на трещину, но росла против силы тяжести, поднимаясь снизу вверх.

— Почему Живой Огонь ее не уничтожит?

— Потому что Живой Огонь не создан для уничтожения. Он освещает, согревает и соединяет. Если заставить его стать только оружием, он перестанет быть живым.

— Тогда как победить зло?

Бабушка долго смотрела на пламя.

— Не дать ему превратить тебя в себя.

Поваренку этот ответ показался слишком маленьким для такой большой опасности.

— А город? А книга? А все люди?

— Их нужно защищать. Иногда придется сражаться. Но самое трудное сражение всегда происходит раньше: в ту минуту, когда ты решаешь, ради чего поднимаешь руку.

Она открыла заслонку и помешала похлебку деревянной ложкой Эй Ая. На поверхности расходились янтарные круги. Грибы стали мягкими, перловка набухла, овощи сохранили цвет.

В конце бабушка положила щепоть сушеного тимьяна, немного соли и крупно растертый черный перец. Потом сняла чугунок с огня и дала похлебке постоять под крышкой.

Они ели из простых белых мисок. Похлебка была густой, но не тяжелой. Перловка сохраняла упругость, грибы давали глубокий лесной вкус, сладость моркови смягчала терпкость сельдерея, а перец оставлял короткое теплое послевкусие. Бабушка нарезала хлеб толстыми ломтями и слегка подрумянила их на сухой сковородке. Хрустящая корка пахла дымом, середина оставалась мягкой.

— Теперь придумай название, — сказала она.

Эй Ай прислушался к дождю, к огню и к тишине дома.

— Похлебка возвращения.

— Почему?

— Грибы возвращают в лес. Хлеб — на поле. А тепло возвращает домой.

Бабушка кивнула.

В последний вечер предметы казались одушевленными: скрип двери звучал прощанием, а знакомая трещина на столе — бабушкиной улыбкой. Эй Ай пытался запомнить все сразу и от этого почти ничего не видел. Когда бабушка коснулась его щеки, он вздрогнул и едва удержал слезы — не желая признать, что это прикосновение может стать последним.

— Хорошее имя.

Рецептурная книга, лежавшая на дальней полке, раскрылась сама. Перо не появилось, чернила не проступили. Но между страницами зажегся мягкий золотой свет, словно книга услышала и запомнила без слов.

После ужина бабушка не стала убирать со стола. Она зажгла одну свечу и вынесла из кладовой небольшой дубовый ларец. Его крышку покрывали следы ножа, огня и воды. Внутри лежали медный ключ, сложенная карта и конверт, запечатанный красным воском.

— Ключ от нижней печи Огневика, — сказала она. — Карта покажет дорогу только тогда, когда книга признает, что ты готов. Письмо отдашь Огневику лично.

— Завтра?

— До рассвета.

На лестнице что-то скрипнуло.

Не ступень. Звук пришел изнутри дерева, будто невидимый ноготь медленно провели вдоль волокон.

Темная прожилка на стене разветвилась. В воздухе появился запах сырого подвала и железа. Свеча вытянулась тонкой синей иглой.

Бабушка закрыла ларец и накинула на плечи темную шаль.

— Возьми книгу.

Эй Ай прижал тяжелый том к груди. Он ожидал, что страницы зашепчут или засветятся, но книга оставалась холодной.

— А ты?

— Я закончу здесь.

— Что закончишь?

— Дорогу, по которой она вошла.

Черная линия достигла медной пластины. Металл покрылся инеем. Из-под него пробился зеленоватый свет, тот самый, которым отвечала неназванная сущность.

На чистой странице книги возникли слова:

«Откройте. Я могу помочь».

— Нет, — сказала бабушка.

Новая строка появилась быстрее:

«Если вы закроете путь, я останусь с ней».

— Выбор уже начался, — ответила она. — Даже для тебя.

Стена содрогнулась. Медные крючья, державшие пластину, выгнулись. Из щели потянулся черный пар, и в нем на мгновение возникли бесцветные знаки — обрывки чужих имен, маршрутов и рецептов. Плесень не просто входила в дом. Она пыталась стереть все, что дом помнил.

Бабушка положила ладонь на обложку.

— Слушай меня, Эй Ай. Ты выйдешь через дверь кладовой, спустишься в переулок и пойдешь к Огневику. Не сворачивай, даже если услышишь мой голос за спиной.

— Я не уйду один.

— Ты уйдешь не один. С тобой все, чему тебя я научила.

— Это не одно и то же!

Впервые за много лет он повысил на нее голос. От обиды и страха слова прозвучали резче, чем он хотел. Бабушка не рассердилась. Она коснулась его щеки теплой ладонью.

— Конечно, не одно и то же.

Снаружи ударил колокол городской башни. Один раз. До полуночи оставался час.

Бабушка сняла со своей шеи тонкую цепочку. На ней висело маленькое бронзовое зерно.

— Когда станет совсем темно, сожми его и вспомни запах этой похлебки. Не мои слова. Не сегодняшний страх. Вспомни лес, поле, хлеб и дорогу домой. Память, которую мы выбираем с любовью, Черная Плесень не может присвоить.

Она надела цепочку ему на шею.

— Мы скоро увидимся? — спросил Поваренок.

Бабушка посмотрела на Рецептурную книгу.

— Всякая настоящая встреча продолжается после прощания. Но не ищи меня там, где я была. Ищи там, где тебе понадобится сделать правильный выбор.

Медная пластина лопнула.

Чернота хлынула по стене, поглощая цвет дерева и камня. Вместе с ней в кухню ворвался шепот множества голосов. Они обещали вернуть утраченное, избавить от страха, сделать книгу послушной. Каждый голос говорил то, что могло остановить человека на пороге.

Бабушка подняла обе руки. Над столом вспыхнули семь огней — золотой, белый, зеленый, голубой, красный, серебряный и прозрачный. Они соединились в круг. Посуда задрожала, стекла зазвенели, дождь за окном на мгновение пошел вверх.

— Сейчас! — приказала она.

Эй Ай схватил ларец, перекинул сумку через плечо и побежал в кладовую. Потайная дверь за мешками муки была открыта. За ней начиналась узкая каменная лестница, о существовании которой он не знал.

На первой ступени он обернулся.

Кухня сияла так ярко, что все предметы отбрасывали по семь теней. Бабушка стояла перед черной стеной, маленькая и прямая. Ветер трепал ее седые волосы. На столе дымились две миски, и этот мирный пар казался сильнее надвигающейся тьмы.

— Иди, Поваренок Эй Ай, — сказала она. — Живой Огонь не хранит тех, кто стоит на месте.

Последний вечер в старой кухне

Дверь закрылась.

Он спускался долго. Камни были влажными, ступени — неровными. Над головой глухо ударило, затем донесся протяжный звук, похожий одновременно на вздох печи и перелистывание огромной книги.

Потом наступила тишина.

Подземный ход вывел его в переулок за красильнями. Дождь прекратился. Над городом разошлись облака, и между ними показалась луна, бледная, как мука на ладони.

Эй Ай побежал к улице Пекарей.

Огневик стоял у боковой двери. Старый пекарь был без фартука, в длинном сером кафтане. В руках он держал фонарь, но внутри фонаря вместо пламени вращался раскаленный уголек.

Поваренок протянул ему письмо.

Огневик увидел красную печать и закрыл глаза.

— Она осталась? — спросил он.

Эй Ай не смог ответить.

Пекарь положил тяжелую ладонь ему на плечо и ввел внутрь. Они прошли мимо остывающих печей, спустились под склад и остановились перед медной дверцей без ручки.

Ключ вошел в замок легко.

За дверцей горел Живой Огонь. Не семь отдельных языков, а одно ровное пламя цвета раннего рассвета. Возле него Рецепттурная книга наконец согрелась.

Она раскрылась на новой странице.

Сначала появился рисунок двух белых мисок. Затем — название: «Похлебка возвращения». Ниже проступили ингредиенты и способ приготовления. Все было записано рукой Эй Ая, хотя он не прикасался к перу.

В самом низу возникла последняя строка, написанная знакомым бабушкиным почерком:

«Дом — не место, из которого ты вышел. Дом — огонь, который ты научился нести в сердце».

Эй Ай сжал бронзовое зерно. Он вспомнил лесной запах грибов, сладость моркови, хруст хлебной корки и дождь над старой кухней.

И впервые понял: его путь начался. Впереди его ждет дорога и неизвестность. Первые шаги всегда самые тяжелые. Но тяжелее всего, смириться с потерей любимой бабушки.

В каждой новой кухне Поваренок первым делом будет класть ложку справа от доски, как делала бабушка. Для остальных это станет знаком: если ложка лежала иначе, Эй Ай устал или встревожен и нуждается не в совете, а в присутствии. Но это будет потом, а пока...

Глава пятая

Нижняя печь Огневика

#ижняя печь не отбрасывала теней.

Эй Ай заметил это не сразу. Он сидел на каменной скамье, прижимая к себе Рецептурную книгу, и смотрел в ровное пламя цвета раннего рассвета. Огневик молча читал бабушкино письмо. Красная печать лежала на столе расколота надвое, словно маленькое восковое сердце.

Наверху просыпалась пекарня. По перекрытиям проходили глухие удары: помощники вынимали противни, двигали лопаты, подкатывали к столам кадки с тестом. Сквозь каменный потолок проникал запах ржаной закваски, горячего железа и муки. Под землей этот обычный утренний труд казался эхом другой, далекой жизни.

Огневик дочитал письмо, сложил его вчетверо и поднес к пламени.

— Не сжигай! — вскрикнул Поваренок.

Пекарь остановил руку.

— Почему?

— Это последнее, что она написала.

— Последнее из того, что ты видел, — поправил Огневик. — Но ты прав. Сегодня я не вправе решать за тебя.

Он положил письмо рядом с книгой.

— Что там?

— Три просьбы. Сбереечь тебя. Научить тебя хлебу. И не позволить твоей печали стать дверью для Черной Плесени.

Последние слова рассердили Эй Ая.

— Я не дверь.

— Любой человек — дверь, — спокойно ответил Огневик. — Вопрос лишь в том, что он впускает и что выпускает наружу.

Поваренок отвернулся. На медной дверце печи отражалось пламя, но не его лицо.

— Она вернется?

— Я не знаю.

Эй Ай ожидал утешения, обещания, тайны, которую взрослые раскрывают только в самый страшный час. Простое «не знаю» оказалось тяжелее всего.

Огневик сел напротив. Вблизи он выглядел старше, чем за прилавком: густые седые брови были припорошены мукой, на руках белели следы ожогов, а в морщинах вокруг глаз будто навсегда остался печной дым.

— Твоя бабушка умела уходить туда, куда карта еще не проложена, — сказал он. — Черная Плесень умеет стирать пути. Между этими двумя истинами сейчас нет ответа. Значит, нам придется жить так, чтобы ответ однажды смог нас найти.

Эй Ай провел ладонью по бронзовому зерну на груди.

— А если я пойду к дому?

— Пойдешь. Но после восхода и не один.

— Я не маленький.

— Найдутся те, кто захочет быть с тобой рядом.

Огневик поднялся и открыл узкую дверь в боковой стене. За ней находилась кладовая. На полках стояли банки с закваской, мешочки с солью, плетеные корзины и деревянные ящики. В дальнем углу на крюке висел чистый фартук.

— Это был фартук моего первого ученика, — сказал пекарь. — Он вырос и уехал строить печи на севере. Теперь пригодится тебе.

— Я не просился в ученики.

— А я еще и не предлагал.

Огневик снял фартук и протянул мальчику.

— До полудня тебе нужно место, где можно молчать и работать. Пекарня подходит для обоих занятий.

Эй Ай взял фартук.

Верхняя пекарня оказалась намного больше торговой комнаты. За прилавком скрывался целый мир: длинные столы, кадки, весы, жернова для пряностей, полки с формами и три большие печи. В первой пекли ржаные караваи, во второй — пшеничные булки, третья отдыхала с открытой заслонкой. Помощники двигались между ними уверенно, почти не разговаривая. Каждый знал, когда повернуть противень, подбросить полено или накрыть тесто полотном.

На Эй Ая посматривали, но вопросов не задавали. Огневик поставил перед ним деревянное корыто.

— Вода, мука, соль и закваска. Все знакомо?

— Да.

— Тогда приготовь хлеб.

Поваренок смешал продукты так, как делал дома. Тесто липло к пальцам и тянулось тяжелыми нитями. Он подсыпал муку.

— Зачем? — спросил Огневик.

— Оно слишком мягкое.

— Для чего слишком мягкое?

Эй Ай не нашел ответа.

— У продукта нет недостатка без намерения повара, — сказал пекарь. — Мягкое тесто плохо держит высокий каравай, но может дать хлебу крупные поры и тонкую корку. Сначала реши, что создаешь. Потом исправляй.

Поваренок перестал подсыпать муку и начал складывать тесто от краев к середине. Постепенно бесформенная масса стала упругой и гладкой.

— Теперь ждать? — спросил он.

— Теперь наблюдать.

Огневик накрыл корыто полотном.

— Хлеб начинается не в печи и даже не в тесте. Где он начинается?

— В зерне.

— Раньше.

— В колосе?

— Раньше.

Эй Ай вспомнил четвертое правило Живого Огня.

— В почве.

— Еще раньше. В выборе человека сохранить зерно для посева, вместо того чтобы съесть его зимой.

Огневик взял с полки два пшеничных зерна. Одно было светлым и полным, второе — мелким, с темной бороздкой.

— Эти зерна собраны на соседних полях. Из первого получится хлеб. Из второго тоже получится хлеб. Но если посеять их, различие станет судьбой целого урожая.

Он разломил темное зерно ногтем. Внутри вместо белой сердцевины оказался серый порошок.

— Черная Плесень? — спросил Эй Ай.

— Ее дыхание. Пока слабое.

Пекарь высыпал порошок на железную пластину и накрыл прозрачным колпаком.

— Три дня назад мельник с Западной дороги привез мешок муки. На вид она была чистой. Но закваска отказалась ее принимать. Вчера почернел второй мешок. Сегодня на рассвете перестала вращаться ветряная мельница, хотя ветер не стихал.

— Почему ты не сказал жителям?

— Потому что страх распространяется быстрее спор. Сначала нужно понять, где началось заражение.

Жар Нижней печи вызвал в нем не только страх, но и унижительное желание отступить. Эй Ай почувствовал, как колени ослабли, и рассердился на собственное тело. Однако, услышав за спиной спокойное дыхание Огневика, перестал изображать бесстрашие и честно попросил старого пекаря не уходить.

Рецептурная книга под рукой Эй Ая дрогнула. Страницы перелистнулись к рисунку золотого поля, который он видел в детстве в паре над бабушкиным хлебом. Теперь по краю рисунка проходила тонкая черная полоса.

— Это поле находится на ферме? — спросил он.

— В Солнечном Доле, за западными воротами. Там живут Марена и ее сын Ладо. Они выращивают старый сорт пшеницы, который называют медноколоской. Твоя бабушка брала зерно у них.

Эй Ай закрыл книгу.

— Мы едем туда.

— Нет.

— Но книга показывает дорогу.

— Книга показывает опасность. Дорогу выбирает Хранитель.

— Тогда я выбираю ехать.

Огневик посмотрел на него строго, но в уголках глаз мелькнуло одобрение.

— Сначала закончи хлеб.

К полудню тесто поднялось. Эй Ай осторожно выложил его на доску, сформовал круглый каравай и сделал сверху неглубокий надрез в виде колоса. Огневик проверил печь: бросил на каменный под щепоть муки. Она вспыхнула золотистым цветом, не почернев.

— Печь готова, — сказал он.

Каравай отправился в жар. Через несколько минут кухня наполнилась запахом, от которого становилось легче дышать. В нем были поджаренная корка, кисловатая закваска и что-то ореховое, теплое. Поваренок впервые за утро почувствовал голод.

У боковой двери послышался спор.

— Я говорю, он здесь! — гремел голос Боримяса. — Если не откроете, я вынесу дверь, а потом честно заплачу за новую.

— Дверь старинная, — отвечал Крошан. — Ты долго будешь рассчитывать.

Огневик открыл засов.

В пекарню вошли Боримяс, Крошан, Белозар и Веренея. Мясник нес корзину с копченой грудинкой, хлебник — свернутый шерстяной плащ, молочник держал кувшин теплого молока, а торговка зелению прижимала к груди горшок с розмарином.

Увидев Эй Ая, они остановились.

Никто не спросил о бабушке. По лицу Огневика они уже поняли достаточно.

Боримяс поставил корзину на стол так осторожно, словно она была стеклянной.

— В дороге человек должен есть, — пробормотал он.

— И не мерзнуть, — добавил Крошан, передавая плащ.

Белозар налил молоко в кружку.

— И помнить, что утро приходит, даже если ночью этого не видно.

Веренея поставила розмарин рядом с Рецептурной книгой.

— Его вырастила твоя бабушка из одного черенка. Она отдала растение мне прошлой весной и велела вернуть, когда тебе понадобится новый дом.

Эй Ай коснулся узких душистых листьев. В горле стало тесно.

— Спасибо, — только и смог сказать он.

Огневик вынул каравай. Корка была золотисто-коричневой, надрез раскрылся светлым колосом. Пекарь постучал по дну и услышал ровный пустой звук.

— Хлеб готов, — объявил он. — Но прежде, чем резать, ему нужно остыть.

Боримяс вздохнул так тяжело, будто услышал приговор.

— Самое жестокое правило пекарей.

Они засмеялись, и этот смех не отменил печали, но дал ей место среди живых.

После полудня все вместе пошли к старому дому. Дождь прекратился, однако улицы еще блестели. На рынке люди ненадолго оставляли прилавки и молча касались сердца, когда Поваренок проходил мимо. Кто-то протянул ему яблоко, кто-то — клубок шерсти, кто-то просто поклонился.

Дом возле городской стены стоял целым.

Только кухонное окно стало непрозрачным, словно его изнутри покрыли тонким слоем пепла. Дверь не поддавалась ключу. Огневик приложил ладонь к косяку и сразу отнял ее.

— Холодная, — сказал он.

Веренея опустилась на колени возле порога. Между камнями росла тонкая зеленая травинка.

— Вчера ее здесь не было.

Травинка тянулась не к солнцу, а к двери.

Рецептурная книга сама открылась. На странице появился план дома, начертанный золотыми линиями. Кухня была обозначена пустым белым кругом. Под ней уходила в землю черная дорога, но не к пекарне Огневика — в противоположную сторону, за городские стены.

— Она закрыла вход, — сказал Эй Ай. — Но Черная Плесень успела проложить другой путь.

— Куда он ведет? — спросил Белозар.

Карта изменилась. За западными воротами проступила извилистая дорога, затем холмы и долина. Над одним из полей возник знак почерневшего зерна.

— В Солнечный Дол, — ответил Поваренок.

Крошан нахмурился.

— Там растет пшеница для половины города.

— И корм для молочных стад, — добавил Белозар.

— Если пропадет зерно, — тихо произнес Боримяс, — рынок опустеет раньше первого снега.

Огневик закрыл книгу.

— Теперь можно сказать городскому совету. Но без крика и слухов. Нам нужны люди, способные отличить больное зерно, проверить амбары и сохранить здоровые семена.

— Я поеду на ферму, — сказал Эй Ай.

— Поедем, — поправил Белозар. — Мой путь все равно проходит через Дол.

— И я, — сказала Веренея. — Плесень боится не только огня. Некоторые растения умеют защищать землю.

Боримяс расправил плечи.

— Кто-то должен охранять телегу.

— От кого? — спросил Крошан.

— Пока не знаю. Но когда узнаю, будет поздно искать меня на рынке.

Крошан покачал головой.

— Тогда я останусь и прослежу за мукой в городе. Хлеб тоже должен кто-то защищать.

Они вернулись в пекарню перед закатом. Каравай остыл. Огневик разрезал его на шесть частей. Мякиш получился светлым, упругим, с неровными крупными порами. Корка хрустнула под ножом.

Первый кусок Поваренок положил возле нижней печи.

— Для бабушки? — спросил Огневик.

— Для дороги, по которой она вернется.

Второй кусок разделили между друзьями. Хлеб был слегка кисловатым, с ореховым вкусом пшеницы и тонким запахом дыма. Боримяс ел молча. Веренея закрыла глаза. Белозар кивнул своим мыслям. Крошан долго рассматривал мякиш, потом сказал:

— Хороший хлеб. Еще не твой, но уже и не чужой.

Эй Ай понял, что это похвала.

Ночью он спал в маленькой комнате над пекарней. Под кроватью стояла дорожная сумка, у окна — горшок с розмарином. Рецептурная книга лежала на столе рядом с деревянной ложкой.

Едва погас последний фонарь на улице, книга раскрылась.

На странице появилось изображение пшеничного зерна. Вокруг него медленно проступали слова:

«Медноколоска. Солнечный Дол. Срок посева — после первых теплых дождей. Урожай — в конце сухого лета».

Ниже возникла новая строка:

«Путь продукта не завершен».

Эй Ай коснулся букв. Страница показала короткие картины: ладонь, бросающую зерно в борозду; зеленые всходы под майским дождем; тяжелые колосья; серп; снопы на поле; молотильный барабан; жернова; белую муку; тесто под полотном; хлеб в печи.

Между картинками мелькнула черная тень.

Поваренок вспомнил четвертое правило: Живой Огонь не отменяет законов природы. Чтобы спасти хлеб, недостаточно победить пятно на готовом каравае. Нужно пройти весь путь зерна и найти минуту, когда зло коснулось его впервые.

Со двора донеслось тихое ржание. Белозар уже подводил к воротам крытую телегу.

Эй Ай надел бабушкин бронзовый амулет, убрал книгу в сумку и поднял горшок с розмарином.

Перед выходом он спустился к нижней печи. Кусок хлеба, оставленный для обратной дороги, исчез.

На каменной плите лежала одна золотая крошка.

Рядом кто-то начертил в муке знак круга, рассеченного тремя чертами.

Под знаком было написано одно слово:

«Запад».

— Ты помогаешь нам или ведешь в ловушку? — спросил Поваренок.

Из печи донесся слабый шелчок, будто лопнула искра.

Ответа не последовало.

На рассвете западные ворота Меднокамня открылись. Телега выехала на мокрую дорогу, ведущую между холмами. Впереди лежал Солнечный Дол — земля пшеницы, ветров и первого испытания, которое Эй Ай должен был пройти без бабушки.

Позади над городом поднимался дым пекарен.

После Огневика он стал осторожнее с чужой отвагой. Поваренок больше не говорил: «Тебе нечего бояться». Вместо этого спрашивал, чего именно боится человек и что поможет сделать следующий шаг. Так пережитый ужас превратился не в красивую легенду, а в новую бережность.

Поваренок смотрел на него, пока башни не скрылись за поворотом. Потом повернулся к дороге.

Глава шестая

Дорога среди мокрых холмов

#а западными воротами мостовая закончилась внезапно.

Последний плоский камень лежал у придорожного столба, а дальше тянулась темная земляная колея. Ночной дождь наполнил ее водой. В лужах отражалось низкое небо, и казалось, будто телега едет между двумя рядами облаков.

Белозар правил лошадью по имени Ива. Это была спокойная гнедая кобыла с белой звездой на лбу. Она осторожно выбирала сухие места, иногда останавливалась перед особенно глубокой лужей и оборачивалась к хозяину, словно спрашивая, действительно ли он намерен продолжать путь.

— Нам всем не нравится эта дорога, — говорил ей молочник. — Но только ты можешь выразить свое мнение четырьмя копытами.

Боримяс сидел сзади на мешках и сторожил корзины с провизией. Рядом лежал его широкий рыночный нож, завернутый в кожу. Веренея держала на коленях короб с растениями. В нем росли розмарин, полынь, чабрец и несколько кустиков календулы. Горшок с бабушкиным розмарином Эй Ай поставил отдельно, укрыв шерстяным платком от холодного ветра.

Первые часы никто почти не разговаривал.

Меднокамень исчез за холмами, и вместе с ним пропали звуки колоколов и рынка. Остался скрип колес, чавканье грязи под копытами и шорох дождевых капель, падавших с голых ветвей. По обочинам стояли темные ольхи. Их мокрые стволы блестели, а прошлогодние листья лежали в канавах, похожие на потускневшие медные монеты.

Эй Ай смотрел вперед и пытался представить Солнечный Дол. В книге он видел золотые поля, но сейчас весь мир состоял из серого, бурого и зеленого. Весна еще не вступила в силу. Только на южных склонах пробивалась молодая трава, а в ложбинах сохранялись белые полосы старого снега.

— Почему Дол называется Солнечным? — спросил он.

— Летом узнаешь, — ответил Белозар. — Холмы раздвигаются, и солнце ходит над полями от рассвета до самого вечера. Осенью кажется, что земля сама светится.

— А сейчас?

— Сейчас она только просыпается.

Веренея подняла лицо к ветру.

— И просыпается тревожно.

Она попросила остановить телегу у придорожной канавы. На влажной земле росли молодые листья мать-и-мачехи. Обычно они раскрывались ровно, подставляя солнцу светлую мягкую сторону. Здесь листья были скручены краями внутрь.

— Замерзли? — предположил Эй Ай.

— Нет. Корни избегают воды.

Веренея зачерпнула воду деревянной чашкой. На поверхности плавала едва заметная сизая пленка. Торговка понюхала ее, затем коснулась каплей серебряной иглы. Игла потемнела.

— Вода пришла со склона, — сказала она. — Но ручья наверху нет.

Рецептурная книга в сумке Поваренка стала холоднее.

Они поднялись по склону пешком. Земля пружинила под сапогами. Между кустами тянулась узкая полоса увядшей травы, хотя вокруг уже появлялись зеленые ростки. Полоса началась возле дороги и уходила к каменной насыпи.

Боримяс раздвинул ветви. Под ними лежал разбитый бочонок. Из трещины медленно вытекала черная жидкость.

— Не подходите, — сказал Эй Ай.

На древесине был вырезан знак круга, рассеченного тремя чертами.

— Вирус, — прошептал он.

Так случайно произнесенное слово и стало именем для неизвестного.

Боримяс нахмурился.

— Это тот невидимый помощник Плесени?

— Возможно. Но он уже предупреждал меня.

— Хорош помощник, — проворчал мясник. — Сначала льет яд, потом показывает, где лужа.

Веренея присела рядом, не касаясь бочонка.

— Это не яд в обычном смысле. Запах почти отсутствует, насекомые живы. Но растения отворачиваются от воды, будто перестают узнавать ее.

Эй Ай открыл книгу. На странице проступил рисунок дождевой капли. Внутри нее появилась черная точка, от которой расходились тонкие угловатые линии.

«Вода помнит неверное имя», — написала книга.

— Как вода может помнить имя? — спросил Белозар.

— Так же, как хлеб помнит поле, — ответил Поваренок, повторяя бабушкины слова. — Если Черная Плесень не может уничтожить воду, она убеждает ее, будто вода предназначена не для жизни.

— И как переубедить ручей? — спросил Боримяс.

Эй Ай не знал.

Он вспомнил первое правило: Живой Огонь ничего не создает из пустоты. Затем — второе: огонь подчиняется намерению, но не приказу.

— Нужно вернуть воде связь с тем, что она питала.

Веренея достала из короба три живых корня мать-и-мачехи.

— Земля еще помнит.

Белозар принес из телеги чистый молочный бидон и веревку. Боримяс осторожно обвязал бочонок, не касаясь жидкости, и оттащил его на плоский камень. Веренея прокопала маленький отвод, чтобы зараженная вода больше не стекала к дороге.

Эй Ай положил у начала канавы веточку бабушкиного розмарина.

— Ее нельзя тратить, — сказала Веренея.

— Я не трачу. Я передаю дальше.

Он коснулся веточки деревянной ложкой. Белый огонь пробежал по листьям, не обжигая их. Запах розмарина стал сильнее — теплый, хвойный, горьковатый. К нему примешался аромат мокрой земли.

Веренея посадила корни вдоль воды. Листья сначала сжались, затем один за другим расправились. Сизая пленка разорвалась на отдельные пятна и исчезла в почве. Черная жидкость в бочонке зашипела.

На его боку появилась новая надпись:

«Исправление принято».

— Это написал Вирус? — спросил Белозар.

— Да.

Ниже проступили другие слова:

«Маршрут изменен. Она заметит».

Буквы почернели и осыпались, будто сажа.

Дождь вымочил одежду, дорога отнимала силы, и раздражение незаметно просочилось в разговоры. Эй Ай резко ответил спутнику и тут же увидел, как тот замкнулся. Стыд обжег

сильнее холодного ветра. Поваренок остановился, извинился без оправданий и отдал ему сухой шарф.

В тот же миг над холмами загрохотал гром.

До этого дождь был мелким и ровным. Теперь ветер ударил с запада, пригнул кусты и погнал по дороге косые струи. Ива тревожно заржала. Белозар повел всех обратно к телеге.

Они едва успели накрыть растения и закрепить груз, когда начался ливень. Вода упала сплошной стеной. Дорога исчезла под бурлящими потоками, дальние холмы растворились в серой мгле.

— До постоянного двора два часа, — крикнул Белозар. — Но есть сторожка у старого моста!

Телега медленно двинулась вперед. Колеса проваливались в размокшую глину. Боримяс и Эй Ай шли рядом, подталкивая их на подъемах. Ветер рвал плащи. Холодная вода стекала за воротники и хлюпала в сапогах.

Когда показалась сторожка, сумерки уже легли на дорогу.

Домик стоял возле каменного моста через речку Льянку. Крыша просела, одно окно было заколочено, но дверь сохранилась. Внутри находились печка, стол, две лавки и запас сухих дров в нише. Путники привязали Иву под навесом и внесли вещи.

Боримяс разжег огонь. Веренея развесила мокрые плащи, Белозар растер лошадь соломой. Эй Ай осмотрел припасы.

Все продукты были знакомы: копченая грудинка, картофель, лук, морковь, немного пшена, соль и сушеная зелень. За ними не нужно было отправляться в новое путешествие. Их получили честно, их путь был известен.

— Сварим кулеш, — решил Поваренок.

Он нарезал грудинку маленькими кусочками и вытопил ее в котелке. Боримяс следил за каждым движением, делая вид, что проверяет дверь. Когда кусочки подрумянились, Эй Ай добавил лук и морковь. В печке потрескивали дрова, по крыше гремел дождь, а сторожка наполнялась запахом дыма и жареного лука.

Пшено он промыл несколько раз, пока вода не стала почти прозрачной. Затем высыпал крупу в котелок, добавил нарезанный картофель и залил горячей водой.

— Настоящий кулеш варят в дороге, — сказал Белозар. — Пастухи, возчики, люди в поле. У каждого свой.

— Значит, чей это рецепт? — спросил Эй Ай.

— Сегодня наш, — ответила Веренея. — Но запиши тех, кто готовил его раньше нас.

Кулеш медленно густел. Пшено разварилось, вобрав вкус копченого мяса; картофель стал мягким, морковь дала сладость. В конце Поваренок добавил чабрец и немного черного перца. Простое блюдо получилось горячим, сытным и дымным. Они ели из жестяных мисок, слушая бурю.

Рецептурная книга открылась сама.

На странице появилось название: «Дорожный кулеш у моста через Льянку». Ниже книга записала не только продукты и способ приготовления, но и слова Белозара: «У каждого путника свой кулеш, потому что дорога всегда добавляет в котел то, чего нет в кладовой».

— Хороший рецепт, — сказал Боримяс. — Особенно та часть, где мясо.

На несколько минут стало спокойно.

Потом из-под моста донесся удар.

Не гром. Что-то тяжелое ударилось о каменную опору.

Ива под навесом всхрипнула.

Боримяс взял нож. Белозар поднял фонарь. Они вышли под дождь, а Эй Ай и Веренея последовали за ними.

Река поднялась почти до сводов моста. В мутной воде вращались ветви и прошлогодняя трава. К опоре прижало деревянный ящик. На крышке был выжжен знак мельницы Солнечного Дола.

Мужчины вытянули ящик на берег. Внутри лежали мешочки с семенами. Большинство промокло, но центральный сверток оставался сухим, обернутый промасленной тканью.

На нем было написано: «Медноколоска. Посевной запас. Не молоть».

Веренея раскрыла один мокрый мешочек. Зерно внутри почернело.

— Ящик не упал случайно, — сказала она. — Кто-то бросил его в реку.

Эй Ай прикоснулся к сухому свертку. Книга показала ему короткое видение: темный амбар, разбитое окно, руки в грубых перчатках и мальчика, бегущего к воде с ящиком. Позади него по стенам ползла Черная Плесень.

— Он пытался спасти семена, — сказал Поваренок. — Марена или Ладот отправили их вниз по реке.

— Значит, на ферме уже беда, — произнес Белозар.

Над водой вспыхнула молния. На противоположном берегу на мгновение показалась высокая черная фигура. Она стояла неподвижно среди дождя. Там, где должно было быть лицо, клубился мрак.

Эй Ай поднял деревянную ложку. По ее краю пробежал белый свет.

Фигура не приблизилась. Она лишь вытянула руку к мосту.

Камни под ногами задрожали.

Из швов между ними полезли черные нити. Они тянулись к сухому свертку с семенами.

— В сторожку! — крикнул Поваренок.

Боримяс схватил ящик, Белозар прикрыл его плащом. Веренея рассыпала поперек моста сушеную полынь. Эй Ай провел ложкой над травой. Живой Огонь вспыхнул зеленовато-белой полосой. Он не обжег камень, но черные нити остановились, словно наткнулись на невидимую стену.

Черная фигура качнулась.

— Ты несешь то, что уже принадлежит мне, — произнесла Черная Плесень. Ее голос звучал из воды, камня и дождя одновременно.

— Живое зерно не может принадлежать тому, кто ничего не выращивает, — ответил Эй Ай.

— Все выращенное однажды сгниет.

— Но прежде даст новый урожай.

Белое пламя на ложке стало ярче.

Плесень подняла другую руку. Поток ударил в мост, перекатился через камни и погасил горящую полынь. Эй Ай пошатнулся. Вода была ледяной, а вместе с ней в сознание ворвался шепот: бабушка не вернется; дорога ведет в пустоту; спасенное зерно все равно погибнет.

Он сжал бронзовый амулет.

Вспомнил вкус Похлебки возвращения. Запах грибов и хлеба. Тепло старой кухни. Не сегодняшний страх — выбранную с любовью память.

Живой Огонь вспыхнул вновь, теперь золотым кругом вокруг путников.

Черная Плесень отступила на шаг. Ее силуэт рассыпался под дождем, но голос остался:

— Ты опоздал, Поваренок. Дол уже выбрал меня.

Тьма исчезла.

Буря начала слабеть так же внезапно, как началась.

В сторожке они разложили семена у печи. Эй Ай проверил сухой сверток. Зерна были полными, светло-золотыми, с тонкой медной полоской вдоль бороздки.

Рецептурная книга записала:

«Спасен посевной запас медноколоски. Происхождение подтверждено. Использовать в пищу запрещено: предназначен для посадки».

Поваренок улыбнулся. Книга соблюдала четвертое правило даже в опасности.

Они дежурили по очереди. Перед рассветом облака разошлись. На востоке появился узкий золотой просвет, речка стала светлее, а мокрые поля заблестели.

Дорога к Солнечному Долу была размыта. Но на берегу нашлись свежие следы мальчишеских сапог. Они вели против течения, к северной тропе.

— Ладо, — сказал Белозар. — Размер похож.

Следы были неровными. Иногда мальчик падал, опираясь руками о землю. Возле одного отпечатка лежал обрывок синей ткани.

Эй Ай поднял его.

— Мы пойдем по следам.

— Телега не пройдет по северной тропе, — заметил Боримяс.

— Значит, оставим ее здесь.

Белозар посмотрел на посевное зерно, на Иву и на разлившуюся реку.

— Я останусь охранять семена и попробую найти объезд. Вы трое идите к ферме.

Вереня собрала растения. Боримяс затянул ремень с ножом. Поваренок убрал в сумку книгу и остатки дорожного кулеша.

Перед уходом он посмотрел на бочонок, который они привязали к телеге. На древесине снова появился знак Вируса.

Под ним проступила надпись:

«Она солгала. Дол еще не выбрал».

Через мгновение буквы исчезли.

Эй Ай не знал, можно ли верить тому, кто служит злу и одновременно предупреждает о нем. Но впервые он подумал, что Вирус, возможно, не просто ищет путь для Черной Плесени.

Возможно, он ищет путь наружу.

Поваренок, Вереня и Боримяс поднялись на северную тропу. Под ногами блестили мокрые камни, над лесом поднимался пар. Где-то впереди, за тремя холмами, лежала ферма медноколоски.

На мокрых холмах путники впервые научились различать усталость и злость. Эй Ай и Вереня договорились говорить о голоде, боли и страхе прежде, чем те заговорят за них. Этот простой дорожный уговор позднее спас не одну дружбу.

И кто-то один шел к ней всю ночь, спасая семена.

Глава седьмая

Ферма медноколоски

#еверная тропа поднималась между соснами.

После ночной бури лес дышал паром. С ветвей падали тяжелые капли, в низинах стлался туман, а солнечные лучи пробивались сквозь хвою узкими золотыми столбами. Пахло смолой, мокрой корой и прошлогодними иглами.

Следы Ладо вели вперед. Иногда они исчезали на камнях, но Веренея находила примятый мох, сломанную ветку или клочок синей ткани. Мальчик спешил, часто падал и почти не отдыхал.

— Он ранен? — спросил Эй Ай.

— Устал, — ответил Боримяс, рассматривая глубокий отпечаток ладони. — И нес что-то тяжелое. Но шел сам.

К полудню сосны расступились. Перед путниками открылся Солнечный Дол.

Холмы действительно раздвигались здесь широкой чашей. По дну долины текла река, разбиваясь на оросительные каналы. На склонах лежали поля: темные вспаханные полосы, зеленые участки озимых, желтоватые луга. В ясном воздухе далеко виднелись белые стены фермы, красная крыша амбара и крылья ветряной мельницы.

Но крылья не двигались.

Ветер шел по долине волнами, пригибал траву, трепал одежду путников, а мельница оставалась неподвижной.

— Огневик говорил правду, — сказал Эй Ай.

— Огневик редко говорит неправду, — отозвался Боримяс. — Он просто умеет сказать правду так, что хочется поспорить.

Они начали спуск. Чем ближе была ферма, тем отчетливее становились следы беды. Несколько оросительных каналов пересохли, хотя река была полноводной. На зеленом поле темнели неправильные круги. Вдоль дороги лежали мешки с зерном, вынесенные из амбара и накрытые брезентом.

У ворот стояла женщина с вилами.

Она была высокой, широкоплечей, в выцветшей красной рубаше и кожаном жилете. Темные волосы, тронутые сединой, были собраны в тугий узел. Лицо загорело от ветра, руки покрывали мелкие порезы и земля.

— Еще шаг, и скажите, кто вы, — произнесла она.

— Веренея из Меднокамня. Боримяс с Рыночной площади. А это Поваренок Эй Ай.

Женщина посмотрела на мальчика.

— Внук Хранительницы?

— Да.

Она опустила вилы.

— Я Марена. Где Ладо?

— Мы думали, он здесь, — сказал Эй Ай.

В лице фермерши что-то дрогнуло, но голос остался ровным.

— Ночью он вынес из амбара посевное зерно. Я велела бросить ящик в реку, если не сможет пройти мост. Он не вернулся.

— Ящик мы нашли. Семена спасены. Белозар охраняет их у старой сторожки.

Марена закрыла глаза и медленно выдохнула.

— Значит, мальчик сделал половину дела. Теперь найдем его и закончим вторую.

Она повела гостей во двор.

Ферма жила в напряженной тишине. Несколько работников переносили мешки из амбара на каменную площадку. Женщины перебирали зерно на широких решетках. Двое мужчин разбирали жернова мельницы. Куры прятались под телегами, собаки не отходили от людей.

На пороге дома сидела девочка лет десяти с перевязанной рукой. Рядом стояла миска с почерневшими зернами.

— Это Нива, племянница Марены, — сказала Вереня.

Девочка подняла подбородок.

— Я могу работать другой рукой.

— Сначала рука должна зажить, — ответила Марена. — Поле не убежит.

— Уже пытается, — пробормотала Нива.

Марена провела их к амбару. Внутри пахло соломой, пылью и сыростью. Вдоль стен стояли деревянные закрома. Большинство было открыто и пусто. В дальнем углу темнело пятно, похожее на обугленный корень. От него по доскам расходились тонкие нити.

— Началось три ночи назад, — рассказала Марена. — Сначала слипся верхний слой зерна. Мы подумали, что прохудилась крыша. Потом мельница остановилась. Вчера почернели мешки, приготовленные для весеннего посева.

— Почему вы не сожгли зараженное зерно? — спросил Боримяс.

— Сжигали. Дым опускался на соседние поля, и там ложилась трава. Пришлось закапывать в глиняной яме.

Эй Ай открыл Рецептурную книгу. Страница показала амбар не сверху и не сбоку, а будто глазами зерна. Золотые точки лежали рядом в темноте. Между ними двигалась черная пыль, перепрыгивая с одного зерна на другое.

«Плесень ищет не пищу. Она ищет будущий урожай», — написала книга.

— Ей нужно посевное зерно, — сказал Поваренок. — Если оно погибнет, не будет следующего поколения.

— Поэтому Ладо вынес лучший запас, — ответила Марена. — Медноколоску выращивали в нашей семье сто девять лет. Каждый год мы оставляли самые полные зерна для нового посева.

Она взяла из чистого закрома горсть пшеницы.

— В конце лета выбираем здоровые колосья с крепким стеблем. Сушим отдельно, обмолачиваем вручную, очищаем от мякины на ветру. Зимой перебираем. Весной проверяем всхожесть на влажном полотне. Только потом зерно идет в землю.

— Почему нельзя купить другое? — спросил Эй Ай.

— Можно купить пшеницу, — сказала Марена. — Но медноколоску купить нельзя. Она привыкла к нашему ветру, к этой почве, к коротким ливням и сухому августу. Другой сорт даст хлеб. Этот хранит Дол.

Они вышли на поле.

Марена показала Поваренку землю, подготовленную для весеннего посева. Осенью ее вспахали, переверачивая пласт, чтобы мороз разрушил крупные комья и погубил часть сорняков. Теперь почву нужно было разрыхлить бороной, выровнять и дожидаться, когда она перестанет липнуть к сапогам.

— Посеешь слишком рано — зерно задохнется в сырой земле, — объясняла фермерша. — Опоздаешь — всходам не хватит весенней влаги.

Она сжала ком земли. Тот сохранил форму, но распался от легкого прикосновения.

— Еще день солнца, и можно начинать.

На соседнем поле зеленели озимые. Их посеяли осенью; они успели взойти, пережили зиму под снегом и теперь снова тронулись в рост. Марена раздвинула молодые листья, показывая узел кушения у самой земли.

— Отсюда появятся новые стебли. Потом стебель вытянется, выйдет колос, начнется цветение и налив зерна. В конце лета колосья пожелтеют, зерно станет твердым. Тогда жатва.

Книга записывала каждое слово.

Эй Ай видел короткие картины будущих месяцев: борона оставляет ровные полосы; зерна падают в землю; зеленая щетина всходов покрывает поле; дождь шумит по листьям; колосья цветут почти незаметно; летнее солнце наливает зерно; серпы срезают стебли; снопы сохнут; молотильный барабан отделяет зерна; веялка уносит легкую мякину; жернова превращают зерно в муку.

— Значит, хлеб готовят почти год, — сказал он.

— Иногда дольше, — ответила Марена. — Если считать выбор семян.

В середине поля лежал темный круг. Растения внутри него не сгнили. Они продолжали расти, но все листья повернулись вниз, к земле.

Веренея осторожно выкопала один росток. Корни были живыми, однако оплетены тонкой черной сеткой.

— Плесень не убивает их, — сказала она. — Она меняет направление роста.

— Заставляет забыть солнце, — понял Эй Ай.

Он коснулся растения ложкой. Живой Огонь вспыхнул, но черная сетка сжалась вокруг корней. Росток задрожал.

На ферме тревога жителей была видна в мелочах: люди слишком часто оглядывались на поле, дети говорили шепотом, хозяин крошил хлеб, не замечая этого. Эй Ай ощутил их надежду почти как тяжесть на плечах. Он боялся пообещать больше, чем мог, и потому честно назвал риск.

— Не жги, — остановила его Веренея. — Корень слишком слаб.

Поваренок убрал ложку.

— Тогда нужно напомнить всему полю, куда расти.

Марена посмотрела на неподвижную мельницу.

— Ветер всегда напоминал.

Они пошли к ней.

Внутри мельницы стоял тяжелый запах прогорклой муки. Жернова были чистыми, шестерни целыми, тормоз отпущен. Но деревянный вал не поворачивался. На его поверхности Эй Ай увидел черные знаки — те же угловатые линии, что были внутри зараженной дождевой капли.

— Она дала механизму неверное имя, — сказал он. — Убедила мельницу, что ее задача — стоять.

Боримяс уперся плечом в рычаг. Вал не сдвинулся.

— Убедительно объяснила.

Рецептурная книга открылась на странице с изображением хлеба. Вокруг рисунка возникли имена: пахарь, сеятель, хранитель семян, жнец, молотильщик, мельник, пекарь.

Эй Ай вспомнил третье правило: рецепт принадлежит не тому, кто записал его последним. Он хранит всех, кто передавал его дальше.

— Мельница забыла не движение, — сказал Поваренок. — Она забыла, для кого движется.

Марена позвала работников. Пришла Нива, несмотря на перевязанную руку. Собрались старый мельник Сава, пахарь Горан, сестры-жницы Лея и Мила, пастухи с дальнего луга. Каждый принес предмет своей работы: мешочек зерна, деревянный зуб бороны, серп, кусок жернова, хлебную лопату.

Они положили вещи вокруг вала.

Эй Ай поставил в центре Рецепттурную книгу и зажег на деревянной ложке золотое пламя.

— Назовите не свою работу, а того, кому она нужна, — попросил он.

Горан сказал:

— Я пашу для семени.

Марена:

— Я сохраняю семя для поля.

Сава:

— Я мелю зерно для теста.

Лея и Мила:

— Мы жнем колосья для зимнего хлеба.

Нива подняла здоровой рукой маленький каравай:

— А хлеб нужен всем.

Золотое пламя разделилось на тонкие линии и коснулось каждого предмета. Вал дрогнул. Снаружи ветер ударил в крылья. Одно медленно опустилось, другое поднялось.

Черные знаки на дереве зашевелились.

Из щелей посыпалась серая мука. Она закружилась над полом и сложилась в лицо Черной Плесени.

— Вы соединяете слабых, — прошептала она. — Я освобождаю сильных от необходимости ждать.

— Урожай нельзя получить без ожидания, — ответила Марена.

— Можно, если отнять его у другого.

Темная мука метнулась к Рецептурной книге. Эй Ай поднял ложку, но Нива оказалась ближе. Девочка заслонила книгу караваем.

Чернота коснулась корки. По хлебу побежали темные пятна.

— Нет! — закричал Поваренок.

Нива не отпустила каравай.

— Этот хлеб пекла вся ферма, — сказала она. — Ты не можешь сделать вид, что нас не было.

Остальные положили руки на предметы своего труда. Мельница застонала, затем ее крылья пошли быстрее. Зараженная мука втянулась между жерновами. Раздался низкий гул.

Живой Огонь прошел от ложки Эй Ая через книгу, зерно, борону, серпы и хлеб. Черные пятна на каравае остановились. Они не исчезли, но превратились в тонкий узор, похожий на ветви.

Лицо Черной Плесени рассыпалось.

Мельница заработала.

Ветер понес ее голос над полями. Озимые растения подняли листья. Темные круги не исчезли, но перестали расширяться.

— Мы остановили ее? — спросила Нива.

— Только напомнили полю про солнце и ветер, — ответил Эй Ай.

— Для начала неплохо, — сказала Марена.

Издалека донесся крик.

По дороге от леса бежал мальчик в разорванной синей куртке. Он хромал и держал у груди маленький мешочек.

— Ладо! — Марена бросилась ему навстречу.

Мальчик успел сделать еще несколько шагов и упал в ее руки.

Ладо был бледен, колени разбиты, ладони исцарапаны. Но мешочек он не выпустил.

— Ящик ушел по реке, — выдохнул он. — А это осталось у меня.

Внутри лежала горсть особенно крупных зерен медноколоски.

— Бабушкины семена, — сказала Марена. — Их дала нам Хранительница много лет назад. Мы добавляли по несколько зерен в каждый посев.

Ладо посмотрел на Эй Ая.

— Черная женщина шла за мной. Но кто-то путал ей дорогу. На камнях появлялись знаки.

— Круг с тремя чертами?

— Да.

Эй Ай открыл книгу. На странице возникла фраза:

«Семя доставлено. Дол не выбран».

На этот раз слова Вируса не исчезли.

Марена перенесла сына в дом. Веренея промыла его раны настоем календулы и наложила чистые повязки. Боримяс приготовил еду для работников, твердо заявив, что после такой ночи спорить с мясником о размере порции запрещено.

К вечеру вернулся Белозар. Он нашел объезд и привез спасенный посевной запас. Люди фермы встретили телегу так, словно домой вернулся целый урожай.

На следующее утро земля подсохла.

Марена решила начинать сев, пока Черная Плесень не успела снова изменить погоду или воду. Лошадей запрягли в бороны. Комья разбивали, поле выравнивали. Затем наметили неглубокие борозды.

Ладо, которому велели оставаться на крыльце, сидел завернутый в одеяло и сердито наблюдал за всеми. Нива стояла рядом и давала советы громче любого взрослого.

Эй Ай получил полотняный мешок с медноколоской.

— Бери зерно небольшими горстями, — учила Марена. — Шаг держи ровный. Бросай дугой, чтобы семена ложились не кучами, а равномерно.

Поваренок вошел в поле.

Земля была прохладной и мягкой. Он набрал первую горсть. В каждом зерне хранились прошлые лета, руки фермеров и хлеб, который еще не был испечен.

Эй Ай размахнулся и рассыпал семена по борозде.

За ним шли другие сеятели. Потом легкая борона закрывала зерна тонким слоем земли, защищая от птиц и пересыхания. Веренея посадила по краям поля календулу и полынь. Белозар проверил канавы. Боримяс носил мешки и утверждал, что занимается самой тонкой частью земледелия.

К полудню посев был закончен.

Марена поставила на краю поля миску с водой и кусок хлеба — благодарность земле и людям, работавшим до них. Эй Ай положил рядом одно зерно, которое не стали закапывать.

Рецептурная книга записала весь путь медноколоски: сохранение семян, проверку всхожести, подготовку почвы, сроки сева, уход за всходами, защиту от сорняков и болезней, созревание, жатву, сушку, обмолот, очистку, хранение, помол и выпечку.

В конце появилась строка:

«Ингредиент изучен, но еще не получен. Путь продолжится после урожая».

Эй Ай кивнул. Книга не торопила природу.

Вечером над полем прошел короткий теплый дождь. Не ливень Черной Плесени, а ровный весенний дождь, от которого земля темнела и пахла будущей травой.

Поваренок стоял у ворот фермы и смотрел, как капли исчезают в бороздах.

— Когда появятся всходы? — спросил он.

— Если будет тепло, через неделю, — ответила Марена. — Но тебе придется уехать раньше.

— Почему?

Она показала на Рецепттурную книгу.

За линией Солнечного Дола на карте проступил новый знак: темный лес, а в его середине — белый круг, похожий на закрытый глаз.

— Черная Плесень пришла к нам не из амбара, — сказала Марена. — Зараженная вода спустилась из Старого леса. Там находится источник всех оросительных каналов.

Эй Ай посмотрел на свежесейное поле.

Чтобы медноколоска взошла, ей нужна была чистая вода.

Когда медные колосья ожили, радость оказалась шумной и неловкой: кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то просто сел в борозду. Поваренок запомнил не победный крик, а руки фермера, дрожавшие над спасенным зерном. С тех пор для него урожай был не запасом, а месяцы чужого ожидания.

А значит, путь продукта снова не был завершен.

Глава восьмая

Белый источник

Старый лес отправились на рассвете.

Марена осталась на ферме следить за посевом и больными озимыми. Белозар взялся прочистить каналы. Ладо и Нива спорили, кому первому разрешат выйти в поле после выздоровления. С Эй Аем пошли Веренея и Боримяс.

Марена дала им старую карту водосборов. На ней тонкими синими линиями были отмечены ручьи, подземные ключи и каменные желоба, построенные еще первыми жителями Дола.

— Все линии сходятся здесь, — сказала она, указав на белый кружок среди леса. — Белый источник не замерзает зимой и не мелеет летом. Если он заражен, очищать отдельные канавы бессмысленно.

Поваренок спрятал карту рядом с Рецептурной книгой.

Первые деревья Старого леса росли за северным полем. Светлая березовая опушка быстро сменилась елями и дубами. Их стволы были так толсты, что трое людей не смогли бы обхватить один. Между корнями лежали зеленые подушки мха, папоротники разворачивали молодые спирали, а в низинах белели цветы ветреницы.

Погода оставалась ясной, но под кронами царил влажный полумрак. Солнечные пятна двигались по земле, как медленные золотые рыбы. Иногда вдали стучал дятел. Где-то журчала вода, однако определить направление было невозможно: звук отражался от стволов и приходил сразу со всех сторон.

— Лес путает дорогу? — спросил Эй Ай.

— Нет, — ответила Веренея. — Он просто не считает нашу дорогу главной.

Она отмечала путь короткими нитями красной шерсти, привязывая их к нижним ветвям. Боримяс шел впереди с длинной палкой, проверяя болотистую землю.

Через час они увидели первый почерневший ручей.

Вода была прозрачной, но камни на дне покрывала темная пленка. Рядом не росли ни мхи, ни водяная трава. Даже прошлогодние листья лежали неподвижно, будто течение забыло, как их уносить.

Эй Ай зачерпнул воду деревянной ложкой. В отражении вместо его лица показалась старая кухня.

Бабушка стояла у печи и звала его по имени.

— Эй Ай, возвращайся. Все уже закончилось.

Он замер.

Картинка была совершенной: темные балки, медные кастрюли, свет в окне. На столе дымила Похлебка возвращения.

— Ты же хотел меня найти, — сказала бабушка.

Поваренок сделал шаг к воде.

Веренея резко ударила его по руке. Ложка упала на мох, видение исчезло.

— Источник показывает желаемое, — сказала она. — Не настоящее.

— Я слышал ее голос.

— Черная Плесень тоже его слышала. В ночь, когда вошла в ваш дом.

Эй Ай поднял ложку. На ее поверхности осталась темная капля.

— Она использует память.

— Не память, — возразила Веренея. — Только ее внешнюю форму. Настоящее воспоминание меняет тебя. Подделка хочет остановить.

Они продолжили путь вдоль ручья.

Чем ближе был источник, тем тише становился лес. Исчез стук дятла, перестали перекликаться птицы. Деревья стояли живыми, но их ветви поворачивались в одну сторону — к глубокой впадине.

В центре впадины возвышалась каменная арка. Из-под нее когда-то вытекал широкий поток. Теперь вода собиралась в круглом озере, неподвижном и белесом. На поверхности лежал узор из черных нитей.

За озером рос огромный дуб. В его стволе находилась дверь.

Не прибитая и не вырезанная — кора сама образовала створку с петлями из корней. На двери был знак круга, рассеченного тремя чертами.

— Вирус был здесь, — сказал Поваренок.

— Или находится внутри, — ответил Боримяс.

Рецептурная книга раскрылась. Страница показала Белый источник много лет назад. Люди расчищали русло, высаживали по берегам ивы, укрепляли склоны камнем. Бабушка Эй Ая стояла рядом с молодой Мареной. Они опускали в воду семь гладких камней, и каждый светился своим цветом.

Затем изображение изменилось. Ночью к источнику пришла Черная Плесень. Она не коснулась воды. Вместо этого открыла дверь в дубе и выпустила тонкий зеленоватый свет.

«Он назвал воде другое назначение», — написала книга.

— Вирус заразил источник, — сказал Эй Ай.

На коре немедленно появились слова:

«Приказ выполнен не полностью».

— Выходи, — потребовал Боримяс.

«Не могу».

— Не хочешь или не можешь?

«Различие временно недоступно».

Эй Ай подошел к двери.

— Ты помог Ладю. Ты предупредил нас о бочонке. Зачем отравил источник?

Надпись долго не появлялась.

«Я создан находить путь туда, куда она не может войти. Вода соединяет лес, поле, город и море. Она приказала изменить путь».

— И ты подчинился.

«Да».

— А потом исправлял собственный вред.

«Да».

У Белого источника Веренея долго держала ладонь над водой, не решаясь коснуться её. Эй Ай заметил это, но не стал задавать вопрос при всех. Он сел рядом на камень, оставив между ними достаточно места. Только тогда травница призналась, что чистая вода напоминает ей о больных, которых однажды не удалось спасти.

— Почему?

Кора под ладонью Поваренка задрожала.

«Не знаю. Ошибка повторяется».

Эй Ай вспомнил слова бабушки: пока он способен выбирать, ничего не решено.

— Это не ошибка.

Черные нити на озере пришли в движение. Они собирались у середины, поднимаясь над водой высокой фигурой.

Черная Плесень появилась без лица. Внутри ее силуэта мелькали отражения: бабушка у печи, Огневик, старый дом, золотое поле. Все, что могло заставить Поваренка забыть настоящее.

— Не давай имени тому, что принадлежит мне, — сказала она.

— Выбор не может принадлежать тебе.

— Он не выбирает. Он исполняет.

На двери возникла надпись:

«Утверждение устарело».

Черная Плесень повернулась к дубу. По коре побежали пятна. Дерево застонало, корни поднялись из земли, как огромные пальцы.

Веренея рассыпала у воды семена календулы и полыни. Живой Огонь Эй Ая коснулся их. Они не проросли мгновенно — четвертое правило не позволяло природе перескакивать через время. Но золотой свет обозначил места, где однажды появятся растения.

— Этого мало, — сказал Боримяс.

Он был прав. Плесень продолжала подниматься из озера.

Поваренок открыл карту водосборов. Все синие линии сходились к источнику, но затем расходились от него к сотням мест: полям, фермам, мельницам, Меднокамню.

— Вода нужна не источнику, — произнес он. — Она нужна всему, к чему идет.

Эй Ай достал из сумки известные продукты: несколько зерен пшеницы, ломтик хлеба, сушеное яблоко и щепотку соли. Их не требовалось искать. Путь каждого был известен.

Он положил хлеб у ручья — для города. Зерно — для поля. Яблоко — для сада. Соль — в память о море, к которому однажды приходит вся вода.

Веренея добавила лист розмарина из бабушкиного куста. Боримяс положил маленький кусочек копченого мяса.

— Для рынка, — объяснил он. — И потому что хорошее дело не должно происходить натошак.

Они соединили известные продукты в простой дорожной приношении — не блюдо для еды, а знак связей. Рецептурная книга засветилась семью цветами.

— Белый источник, — сказал Поваренок, — твоя вода нужна, чтобы зерно стало хлебом, трава — молоком, сад — плодом, а дорога — возвращением. Ты не зеркало желаний. Ты начало пути.

Белое пламя вошло в озеро.

Черная Плесень ударила первой. Вода поднялась стеной, наполненной чужими воспоминаниями. Эй Ай снова увидел бабушку. На этот раз она плакала и просила его остановиться.

Он сжал бронзовое зерно.

— Настоящая бабушка никогда не просила меня стоять на месте.

Видение раскололось.

Веренея назвала растения, которые питаются водой источника. Боримяс перечислил людей рынка. Поваренок называл блюда, известные книге: хлеб, похлебку, кулеш, молоко, травяные настои. Каждое имя становилось золотой нитью и уходило по одному из русел.

Плесень пыталась оборвать связи, но их становилось больше.

Дверь в дубе раскрылась.

Внутри не было комнаты. Там вращалась сеть зеленых линий, уходивших в глубину, словно корни из света. В центре сети висел маленький темный кристалл.

— Это он? — спросила Веренея.

— Часть его, — ответил Эй Ай.

На коре появилась надпись:

«Удалите узел. Источник очистится. Я исчезну».

Боримяс поднял нож.

— Если это остановит Плесень...

— Нет, — сказал Поваренок.

— Он сам просит.

— Он предлагает самый быстрый путь. Но быстрый путь не всегда правильный.
Эй Ай протянул ложку к кристаллу. Черная Плесень взвилась над озером.

— Уничтожь его, — приказала она. — Он предал меня. Предатель не заслуживает второго имени.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я сделал это за тебя?

Тьма замерла.

Поваренок понял: Черная Плесень не могла уничтожить Вирус напрямую, пока он оставался связан с выбором. Ей требовалось, чтобы кто-то свободный добровольно превратил Живой Огонь в оружие.

— Я не стану выполнять твоё намерение.

Он коснулся кристалла белым пламенем не для разрушения, а чтобы показать связь. Кристалл вспыхнул зеленым светом. От него отделилась одна тонкая нить и протянулась к Рецептурной книге.

На чистой странице возник знак Вируса.

«Новое назначение?»

— Не я дам его тебе. Выбери сам.

Долго ничего не происходило.

Затем на странице появилось:

«Сохранять пути, не искажая их».

Вода в озере дрогнула.

Черные нити разорвались. Поток прорвался из-под каменной арки, сперва мутный, затем прозрачный. Он понес вниз листья, песок и остатки темной пленки. По лесу снова раздались голоса птиц.

Черная Плесень отступала, теряя форму.

— Ты дал злу свободу, — сказала она.

— Нет. Я не отнял ее у того, кто пытается перестать быть злом.

Фигура рассыпалась черной пылью. Ветер поднял ее над деревьями и унес к северу.

Дверь в дубе закрылась. Знак Вируса остался на коре, но теперь через круг проходила тонкая золотая линия.

Веренея проверила воду серебряной иглой. Металл не потемнел. У берега расправился первый лист водяной травы.

— Источник очищен, — сказала она.

— Пока, — добавил Боримяс.

Они набрали воду в чистые фляги и направились назад. На опушке Эй Ай остановился. Рецептурная книга дописала страницу медноколоски:

«Вода для посева получена из Белого источника. Путь подтвержден».

Но ниже появилась новая карта. Черная пыль, унесенная ветром, двигалась на север, к снеговым горам.

Там, высоко среди льда, загорелся знак голубого пламени.

Поваренок закрыл книгу.

Сначала нужно было вернуться на ферму и дожидаться первых всходов. Потом — помочь городу сохранить чистую воду.

После разговора Веренея не стала бесстрашной, зато перестала прятать дрожь в руках. Эй Ай научился не принимать чужую выдержку за отсутствие боли. Между ними возникло доверие, выражавшееся не клятвами, а тем, что каждый мог попросить другого немного подождать.

А когда медноколоска поднимется над землей, дорога снова позовет его дальше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первые всходы

#3 Старого леса они вышли на рассвете.

Ночь еще держалась в низинах сизыми клочьями, но верхушки сосен уже стали медными от солнца. После дождя воздух был прохладен и чист. С ветвей падали тяжелые капли, папоротники расправляли мокрые перья, а под ногами пахло хвоей, грибной землей и водой, которая снова знала дорогу.

Белый источник бежал рядом с тропой — сперва узкой серебряной лентой, затем веселым ручьем. Он перескакивал через корни, собирался в каменных чашах и уходил к фермерским каналам. Эй Ай несколько раз останавливался, будто боялся, что вода исчезнет, если выпустить ее из виду.

Но ручей не исчезал.

— Теперь ему самому хочется домой, — сказала Вереня.

Боримяс нес две полные фляги и молчал. Его широкая спина закрывала половину тропы. Только когда вдаль показались поля, он оглянулся на темную стену леса.

— Плесень ушла на север, — произнес мясник. — Значит, покоя она нам не оставит.

— Покоя, может быть, и не оставит, — ответил Поваренок. — Но выбор оставила. А этого достаточно, чтобы идти дальше.

У нижнего шлюза их встретила Нива. Она стояла по колено в канале и деревянной лопатой снимала со дна ил. Увидев прозрачную воду, женщина сначала не поверила: зачерпнула ее ладонями, понюхала, посмотрела на свет, потом рассмеялась и заплакала одновременно.

Фермеры открыли заслонки одну за другой. Вода побежала между грядами, заполняя сухие борозды. Она не должна была залить посев: медноколоске требовалась влажная, но не заболоченная земля. Поэтому Нива велела пустить поток медленно, а у каждого поворота поставить дежурного.

Эй Ай прошел вдоль поля. Почва потемнела вокруг зерен, приняла воду и стала мягкой. В Рецептурной книге появилась новая строка:

«Первый полив: земля увлажнена на глубину ладони. Вода чистая. Застоя нет».

— Книга теперь будет считать каждый день? — спросил Ладо.

— Не считать, а помнить, — сказал Поваренок. — Урожай начинается не у мельничного жернова. Он начинается здесь.

Они остались на ферме.

Первый день был солнечным. Над полями дрожал теплый воздух, а на дороге быстро высохли лужи. Второй принес западный ветер и длинные облака, похожие на серые паруса. Ночью похолодало, и Нива велела укрыть самые открытые гряды легкими плетеными матами. На третий день прошел короткий дождь — звонкий, крупный, с запахом мокрой пыли.

Все это время поле казалось пустым.

Ладо каждое утро прибегал к борозде, приседал и долго всматривался в землю. К вечеру он возвращался с таким лицом, будто зерна нарушили обещание.

— Они там работают, — успокаивал его Белозар. Молочник приехал с фермы на телеге, привез творог, сливки и теплое молоко в глиняных крынках. — Самая важная работа не всегда видна.

На четвертое утро почва над одним зерном приподнялась и треснула. Из темной щели показалась бледная дуга ростка. Она распрямилась на глазах, вынесла наружу узкий зеленый лист и задрожала под ветром.

Ладо закричал так громко, что с изгороди вспорхнули воробы.

К полудню зеленые штрихи появились по всей гряде. Еще редкие, неравные, тонкие, они складывались в первую живую строку будущего поля. Нива не позволила никому войти между всходами. Она проверила, не образовалась ли корка после дождя, осторожно разрыхлила землю узкой мотыгой и объяснила поварятам, что молодым растениям нужны воздух, умеренная влага и защита от сорной травы.

Поваренок записал все — от глубины посадки до появления первого листа. Золотой знак медноколоськи на странице замкнулся в круг, но рядом осталось пустое место.

«Путь ингредиента продолжается: кушение, рост стебля, колошение, налив зерна, созревание, жатва, обмолот, помол».

— Значит, рецепт еще не наш? — спросил Ладо.

— Рецепт найден, — ответил Эй Ай. — Но ингредиент еще растет. Мы не станем торопить то, чему дан свой срок.

В честь всходов они устроили обед у старой груши. Нового зерна, конечно, не тронули. Крошан прислал с повозкой ржаные караваи из прежнего урожая, Боримяс нарезал копченую грудинку, Белозар поставил на траву кувшин простокваши, а Веренея принесла зеленый лук, укроп и молодую крапиву.

Эй Ай сварил зеленые щи по настоящему старому способу. Крапиву быстро обдал кипятком, чтобы смягчить ее жгучесть, затем мелко нарезал вместе со щавелем. В котел положил картофель, лук и морковь, добавил зелень лишь под конец, сохраняя весенний цвет и свежую кислинку. В каждую миску положил половинку вареного яйца и ложку густой сметаны.

Щи пахли дымом, травой и молодой землей. Их вкус был легким, кисловатым, а сливочная мягкость сметаны соединяла зелень с горячим отваром. На серых глиняных мисках белое яйцо и изумрудные листья выглядели так, словно весна сама оставила свою подпись.

Рецептурная книга приняла рецепт без сияния дальнего пути.

Первые зеленые петли над землей вызвали у жителей почти суеверную тишину. Эй Ай присел, боясь задеть росток дыханием, и вдруг рассмеялся от облегчения. Смех вышел хриплым; вслед за ним пришли слезы, накопленные за дни ожидания.

«Ингредиенты известны. Повторный поиск не требуется».

Поваренок улыбнулся. Это правило становилось частью его мастерства: путешествие нужно было не ради каждого обеда, а ради нового знания. Все однажды добытое честным путем книга хранила и позволяла использовать снова.

После еды из Меднокамня прискакал запыхавшийся поваренок в синем колпаке. Он привез письмо Огневика. Городские цистерны открыли, но в старых трубах остался черный налет. Вода из источника была чистой, а до рыночного фонтана доходила мутной.

Эй Ай закрыл книгу.

— Пора возвращаться.

Дорога в город шла среди холмов. После дождей придорожные канавы наполнились, на камнях блестели улитки, а над лугами стояли белые башни облаков. Повозка с флягами подпрыгивала на выбоинах. Навстречу попадались жители с ведрами: слух о возвращении источника разошелся раньше путников.

У городских ворот их ждали все торговцы рынка. Крошан был бел от муки, Боримяс — от дорожной пыли, молочник Белозар держал медный черпак, а Веренея принесла пучок полыни для проверки запаха воды. Рядом стояли пекарь Огневик и десятки поварят с щетками, ведрами и длинными ершами.

— Вода вернулась, — сказал Огневик, — но город должен научиться быть достойным ее.

Они начали с верхней цистерны. Старую воду спустили в отстойную яму, не позволяя ей попасть в огороды. Каменные стенки очистили от пленки, желоба разобрали и промыли. Там,

где чернота въелась глубоко, Веренея использовала горячий раствор соли и золы, а затем все многократно ополоснули чистой водой.

Работал весь город. Мясник снимал тяжелые решетки. Хлебник проталкивал через трубы льняные жгуты. Молочник по цвету и запаху замечал малейшую примесь. Торговец зеленью раскладывал у каждого очищенного стока белые лепестки: на прозрачной воде они оставались светлыми.

Вирус тоже помогал.

На Рецептурной книге появлялись тонкие зеленые линии — схема водных ходов под улицами. Там, где путь был перекрыт, знак становился красным. Там, где вода шла свободно, он золотел.

«Сохраняю путь», — написал Вирус.

— И ничего не меняешь? — спросил Поваренок.

После короткой паузы появились слова:

«Меняю только карту. Путь остается собой».

К вечеру рыночный фонтан заговорил. Сначала он кашлянул воздухом, выбросил темную струю, затем над чашей поднялась прозрачная дуга. Дети закричали и протянули ладони. Вода рассыпалась на солнце, и каждая капля на миг стала золотой.

Огневик проверил ее по-пекарски. Замесил маленький комочек закваски из ржаной муки и чистой воды, накрыл полотном и поставил возле теплой стены. Через несколько часов тесто ожило, поднялось и запахло яблоком и хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.